

— Евгения!

Женя вздрогнула, оторвалась от своей корректуры и подняла голову.

Софья Петровна строго смотрела на нее поверх очков.

— Евгения, — повторила она недовольным, как обычно, голосом. — Надо на склад сходить. Нужно принести Роману Васильевичу две пачки. Ну, ты знаешь.

Роман Васильевич, их постоянный автор, унылый и занудный тип лет пятидесяти, с зачёсанными на лысину жидкими волосами, бросил на Женю тусклый взгляд. Точнее, не на нее, а сквозь нее. Женю он принципиально не замечал, видимо, считал ее предметом редакционной мебели или оргтехники. Перед ним лежала коробка дешёвых конфет — он каждый раз приносил такую Софье Петровне, это называлось у него «подсластить жизнь». Коробки были всегда одинаковые, видно, купил по случаю целую партию. Наверняка конфеты давно засохли.

— Почему я? — нахмурилась Женя, уже зная ответ. — У меня еще работа не завершена!

— У всех работа! — сухо ответила Софья Петровна. — Кроме того, у Настасьи Ильиничны, как ты знаешь, радикулит, у Леры Слизняковой сосудистая дистония, а у меня... — Она не закончила фразу, громко закашлявшись.

Ну да, у нее то ли хронический бронхит, то ли трахеит, то ли еще что-то в этом роде. Женя вздохнула и поднялась. Она знала, что всё равно придется идти, и лениво отбивалась без надежды на успех, скорее по привычке. И еще она отлично знала, в чем настоящая причина того, что никто из ее коллег не хочет идти на склад. Причина в том, что при этом волей-неволей придется пройти через Третий цех.

Женя с неохотой взяла в углу тележку, вышла в коридор, огляделась по сторонам. Возле лифта, прямо под табличкой «Курение запрещено», курил охранник из фирмы «Алиби» Георгий. Увидев Женю с тележкой, Георгий плотоядно ухмыльнулся:

— Что, опять на склад?

Женя взглянула на него исподлобья — зачем спрашивать? Что, так не видно?

А Георгий не унимался:

— Через Третий цех пойдешь?

— А что, ты знаешь другую дорогу?

— А ты знаешь, что там случилось тридцать лет назад?

Женя тяжело вздохнула и закатила глаза. Началось! Она ушла бы, но нужно дождаться

лифта. А Георгий явно не хотел лишать себя удовольствия поведать дурацкий ужастик вроде тех, что пересказывают перед сном друг другу дети в летнем лагере.

— Один инженер-ботаник задержался после конца смены, что-то ему надо было то ли проверить, то ли измерить, и уронил в чан с кислотой очки, — начал Георгий. — Попытался достать их, наклонился над чаном, у него от испарений закружилась голова, и он — бултых! Так от него — представляешь — через пять минут ничего не осталось. Совсем ничего! Но с тех пор каждый вечер страшный призрак появляется в Третьем цеху, ходит-летает и жутко воет: «Где мои очки?.. Где мои очки?..»

Женя слышала эту историю уже десятки раз, причем в самых разных вариантах, но Георгий последние слова произнес очень артистично, с жуткими подвываниями, так что у Жени озноб пробежал по спине. Чего этот тип и добивался.

К счастью, в это время подошел лифт, и Женя шагнула вперед.

Она спустилась на первый этаж, прошла по пустому полутемному коридору, толкнула железную дверь. Дверь отворилась с громким надрывным скрипом. Точнее, даже стоном. Тоскливым, унылым, душераздирающим. Но открылась не до конца — что-то ей помешало.

Третий цех...

Женя протиснулась в неширокую щель, затащила тележку, пошла вперед, стараясь не под-

нимать глаза и не отклоняться от узкой тропинки, еле видимой, проторенной между старыми, ломаными станками и пустыми фанерными ящиками. Ей казалось, что она идет по заколдованному лесу, где за каждым деревом таится что-то загадочное и опасное, где из-за каждого куста за ней следит чей-то враждебный взгляд, и не дай бог сойти с тропки — тут же тебя схватят липкие ледяные руки...

Неожиданно справа раздался едва слышный шорох, и она не выдержала, подняла глаза, вгляделась в полутьму, разгоняемую двумя неяркими мутными фонарями, пытаюсь определить природу этого звука, хотя и знала, что этого не нужно делать. Ничего, конечно, не увидела, кроме груды полуистлевшей бумаги, но на всякий случай тихонько произнесла:

— Это я! Ты как здесь?

В ответ в углу снова что-то зашуршало.

«Может быть, это просто кошка? — подумала Женя. — Ну, или крыса... Тоже, конечно, неприятно».

Шорох не прекратился, более того, из угла донеслось едва слышное шевуршение. Женя похолодела и застыла на месте. И тут она совершенно ясно и чётко услышала слово:

— Пос-спеш-шиии...

Женя закусила нижнюю губу, на ватных ногах дошла до знакомого ящика, положила на него заранее припасенную конфетку-подношение в пакетике, снова опустила глаза и пошла дальше, спиной чувствуя чей-то мёрзлый взгляд.

Она каждый раз оставляла на этом ящике какое-нибудь небогатое подношение — конфету, пирожок из ближней пекарни, даже бутерброд с сыром... Ей казалось, что таким образом она наладит отношения с таинственным обитателем Третьего цеха. Может быть, даже подружится с ним. Но как же ей было страшно! Просто мороз по коже дерёт!

Евгения не была суеверна и труслива и прекрасно понимала, что всё это плод ее воображения, что на самом деле никто не верит, что в Третьем цеху водится привидение или еще какая-нибудь нечисть. Ну как можно в двадцать первом веке верить в привидения? Это же не Средневековье замшелое... А дураку Георгию просто приятно пугать ее, причем только ее, поскольку больше никто давно уже не ведется на его пустяковые байки.

Но как бы Женья ни призывала на помощь здравый смысл, ей всё равно было жутко. Ну а кому, скажите, не будет чертовски боязно в заброшенном, пыльном, заваленном хламом цеху, в котором еще и темно — дневной свет еле-еле пробивался в черные от грязи окна, а два тусклых фонаря не спасали положение. Тут уж непременно вспомнишь все мистические книжки, которые она за время своей профессиональной деятельности прочитала целые горы, и принесёшь с собой конфетку, чтобы задобрить явно недоброе чудовище. Каждый раз она оставляла ему гостинец в знак дружбы. И, разумеется, никому и никогда об этом не рассказывала, еще

не хватало, засмеют ведь совсем... Хранила этот секрет за семью печатями.

До следующей двери оставалось совсем недалеко, может быть, шагов десять, но тут Женю словно в спину толкнули. Она остановилась и...

И застыла на месте, как громом пораженная.

На сером бетонном полу, на пяточке свободного места между громоздким прессом и грудой ржавых деталей лежал человек. Мужчина был до жути неподвижен, и сразу же было понятно, что он умер. Не помня себя от страха, Женя сделала несколько робких шагов к мертвецу и присмотрелась к нему. Это был мужчина лет сорока, с темными с проседью волосами. Широко открытые неподвижные глаза смотрели в вечность, правую бровь пересекал старый белесый шрам.

— Мама! — пискнула Женя и, не чувствуя под собой ног, стрелой кинулась прочь, волоча за собой тележку.

В секунду она домчалась до второй двери, толкнула ее, вылетела в коридор, пробежала еще несколько метров и остановилась перед дверью склада, с трудом переводя дыхание. Сердце у нее колотилось так, что готово было выскочить из груди.

Женя положила руку на грудь и несколько раз глубоко вздохнула. Так... Главное — успокоиться... Главное — взять себя в руки... Чтобы никто не заметил, в каком она состоянии...

Через пару минут дыхание почти восстановилось.

Она толкнула дверь, вошла на склад. И нос к носу столкнулась с Валентиной. Валентина, их

кладовщица, была женщина язвительная и вредная. Ей ничто не доставляло такого удовольствия, как чужой испуг и растерянность. Крупная, плечистая, с круглым красным лицом, она стояла напротив двери, уперев руки в бока.

— Там... — выпалила Женя, безуспешно ловя воздух ртом. — Там, в Третьем цеху...

Она не смогла договорить, ей не хватило воздуха, да Валентина и не ждала от нее ничего внятного и членораздельного. Она наслаждалась ее ужасом.

— А что это на тебе лица нет? — спросила она насмешливо. — Ты что, Женя, привидение встретила?

— Никого я не встретила! — выпалила Женя.

Ей не хотелось подыгрывать Валентине. Не хотелось доставлять ей такое удовольствие. И от этого чувства она даже пришла в себя и немного успокоилась. Во всяком случае, сердце перестало колотиться где-то у горла, и руки не дрожали.

— Точно не встретила? — недоверчиво переспросила кладовщица. — Может, видела девчонку?

— Ка... какую девчонку? — против своего желания переспросила Женя. — Почему девчонку?

Она хотела рассказать о мертвце, который лежал на бетонном полу, но насмешливый голос и ехидный взгляд Валентины отбили у нее всякую охоту. Лучше бы рассказать кому-нибудь другому... Или вообще промолчать... Пусть уж кто-нибудь другой...

— Ты что, не знаешь эту историю? Ты ведь через Третий цех шла?

— Конечно, через Третий. Ты же видишь... — Женя быстро взглянула на кладовщицу. Та явно уселась на любимого конька, и Женя мысленно поклялась, что не даст слабину.

— Ну да, через Третий, — повторила она твердо. — Будто ты не знаешь, что здесь нет другого пути.

Другой путь вообще-то был. Можно было выйти из склада на улицу и снова войти в здание через главный вход, но для этого пришлось бы каждый раз оформлять пропуск на все книги и бумаги, которые везешь со склада. А кто же будет это делать, если можно пройти внутри здания? Вот и приходилось идти через Третий цех...

— А ты что, разве не знаешь, какая история случилась в Третьем цеху сорок лет назад?

— Сорок? — подняла брови Женя. — Разве не тридцать?

— Сорок, я точно знаю! В Третьем цеху работала одна девчонка лет двадцати. Представляешь, когда она устраивалась на работу, то выдала себя за парня. Здесь раньше было вредное производство, и женщин на него не брали. Зато платили очень хорошо. И еще молоко выдавали за вредность. В общем, предъявила она документы своего хахаля, они на лицо были немножко похожи, только у нее волосы длинные, так она их зачесала гребёнкой и спрятала под бейсболку... — Валентина сделала паузу, взглянула на Женю, чтобы убедиться, что та слушает, и с упоением продол-

жила: — А потом, когда она работала на прессе, бейсболку сняла, потому что жарко, а гребёнка выпала, волосы длинные распустились, и их затянуло в пресс. Она, конечно, попыталась остановить пресс, выключить мотор, но не смогла дотянуться до рубильника. В общем, ей голову оторвало. Хрясь — и нет!

— О господи! — не выдержала Женя. И увидела, что круглое лицо Валентины просто сияет от удовольствия.

— Всё вокруг кровью залило! — не унималась та, смакуя подробности. — Месяц не могли отмыть! Да что месяц! Еще несколько лет эта кровь на полу проступала! Чем только не отмывали! А призрак той девчонки с тех пор каждый вечер появляется в Третьем цеху, ходит и повторяет: «Где моя гребенка?.. Где моя гребенка?.. Отдайте мою гребенку!..»

Последние слова Валентина произнесла так артистично, что у Жени снова перехватило дыхание.

— Ладно, ты зачем пришла? — Валентина получила свою порцию удовольствия и успокоилась.

— Две пачки номера семьсот четыре! — выпалила Женя, радуясь возможности сменить тему.

— Семьсот четвертая — это у нас здесь... — Валентина пошла в угол, легко подхватила две пачки, уложила их в Женину тележку. — Только две пачки? Может, больше? Чтобы лишний раз не ходить? — Валентина ухмыльнулась.

— Только две, — Женя опасливо покосилась на дверь. Ей хотелось скорее уйти от Валентины, но страшно было снова идти через Третий цех, страшно было снова увидеть труп.

Однако делать нечего. Она собрала волю в кулак и покатила тележку обратно к двери. Прошла по коридору, остановилась перед дверью Третьего цеха... Набрала в грудь воздуха, закусила губу, толкнула дверь и решительно вошла в цех. Только не смотреть туда... туда, где лежало это... Этот... Всё было напрасно. Глаза сами уставились на то место, где она видела труп. И что? И ничего. Труп на прежнем месте не было.

Женя растерянно посмотрела по сторонам. Может быть, мертвец лежал не здесь, а чуть правее или левее? Хотя нет, у нее в мозгу отчётливо отпечаталась картина — он находился именно на этом месте, между грудой ржавых железяк и сломанным прессом. Она запомнила даже темное пятно на полу... Вот оно, это пятно. А трупа нет.

Что же это, ей всё померещилось? Привиделось? Может, у нее от страха начались галлюцинации? Или это и есть тот самый призрак, о котором все рассказывают с таким сладким ужасом? Или мужчина не был мертв, а только потерял сознание, а потом пришел в себя, встал и ушел?

Нет, Женя была твердо уверена, что видела мертвеца. Не бывает у живых таких мутных, пустых глаз. И такого неестественного поворота шеи не бывает... Так что же это было?

Женя еще раз внимательно огляделась и повторила вслух, хотя и негромко:

— Что это было?

И снова, как прошлый раз, из-за груды ржавых деталей донесся едва слышный шепот:

— Не с-спеш-шиии...

Но она не послушалась этого шепота и устремилась вперед, к двери. Но по дороге не удержалась, бросила мимолетный взгляд на ящик, где оставила свое скромное подношение.

Пакетик был пуст. Конфетки не было!

На прежнем месте лежал... только фантик. Значит, *он* принял ее подношение... Конфету слопал, а фантик оставил.

Женя машинально схватила пакетик и почувствовала, что он всё-таки не пустой, что в нем что-то находится. Значит, тот, кто живет в Третьем цеху, не принял ее угощение? Как странно... Евгения почувствовала, что если она останется здесь еще чуть-чуть, у нее просто съедет крыша. Нет, нужно искать другую работу... Так она долго не выдержит...

Она хотела выбросить пакетик, но тут он сам собой раскрылся, и на Жениной ладони оказалась странная вещь. Довольно тяжелая, сверху была плотная бомбошка из твердого темного дерева, а под ней... Женя перевернула эту штуку и сразу поняла, что она очень старая, потому что рукоятка была отполирована прикосновениями множества рук. Под бомбошкой был такой кругляшок, судя по тяжести, металлический, скорее всего бронзовый, потемневший, старый, а на нём

были вырезаны какие-то разводы, сложный орнамент из переплетающихся линий, может быть, из диковинных, экзотических растений. А может, Жене так показалось, поскольку, когда она снова посмотрела, то на кругляшке были уже какие-то вензеля. На что это похоже? Женя pokrutila вещь так и этак. Да это же печать! Ну да, старинная печать, а уж как она сюда попала... В этом цеху работали когда-то старые печатные станки, так может...

Женя отогнала от себя неуютную мысль, что печать-то могла валяться здесь хоть сто лет, но вот кто завернул ее в фантик от конфеты? От ее конфеты...

— Что это такое? — спросила Женя, оглянувшись. — Зачем ты мне это дал?

И тут вдруг тусклые лампы в железных намордниках, которые кое-как горели, стали гаснуть. Сначала освещение стало слабеть, как бывает в кинотеатре, а потом наступила крошечная тьма.

— По-стооой... — прозвучало в темноте. — Не спешии...

Дикий страх овладел Женей, ей показалось, что из темноты тянутся к ней длинные костлявые руки, которые сейчас схватят ее и навсегда оставят здесь, в этом заваленном мусором цеху.

Женя уже не помнила, как рванула на себя дверь, и очуталась, увидев свет в коридоре. Она пробежала остаток пути, толкая перед собой тележку, вылетела в коридор первого этажа, под-

бежала к лифту. Кабина, к счастью, была на первом этаже.

В лифте Женя отдышалась и осознала, что всё еще сжимает в руке странную печать. Ну, не бросать же ее здесь... И она сунула вещицу в карман джинсов. «Нет, определённо нужно искать другую работу», — решила Женя, нажимая кнопку своего четвертого этажа. Тем более что скоро всех сотрудников и так уволят. На их четвертом этаже располагалось несколько мелких фирмочек, и постепенно всех их выжила одна компания, которой приглянулось это место под офис. Так что кто-то ушел сам, кто-то разорился. Их издательство «Сириус» никуда не могло уйти — тут рядом склад, где еще такое место найдешь? Но владелица Елена Сергеевна была уже сильно немолода, к тому же болела, так что, когда ей сделали предложение о продаже издательства, она долго не думала. «Всё равно, — сказала она, — работать не дадут, опять же кризис». И купил издательство тот самый господин Ушаков, чей офис на их этаже расплылся и заполнил собой всю площадь словно спрут. Однако выяснилось, что по каким-то там законам или по уставу перефилировать или закрыть их маленькое издательство он сможет только через год, не раньше.

Ну вот, осталось всего несколько месяцев, и тогда все они пойдут на улицу, как говорит Настасья Ильинична и тут же добавляет, что ее-то дети прокормят. Софья Петровна в ответ поджимает губы и горестно кашляет: она-то

одинок как перст. Лера, как всегда, улыбается отстраненно, ее ничто не волнует. Женя пожимает плечами, в большом городе она работу рано или поздно найдет: хотя хотелось бы все-таки по профилю, не в школу же преподавать идти...

А пока суд да дело, на место Елены Сергеевны прислал господин Ушаков Альбину. Ну, это что-то... Сразу себя показала, хотя в издательском деле ничего не понимает. Зато всем дала понять, что у нее с хозяином свои особые отношения. Может, и правда, но Жене всё равно. Но держится Альбина нагло.

«Нет, всё же надо заняться поисками работы», — в который раз подумала Женя, выволакивая тележку из лифта.

С Альбиной Женя столкнулась в дверях, та была в пальто, стало быть, на обед собралась. Мегера зыркнула на Женю и прошипела что-то насчет того, что смотреть надо, куда прешь, а то некоторые пытаются проехать прямо по ногам грязными колёсами. Что было совершеннейшей неправдой, Женя ясно видела, что никого не задела. Ну, такой уж у Альбины сволочный характер.

— Ой, девочки! — радостно закричала Настасья Ильинична, когда дверь закрылась за автором, получившим свою нетленку. — Давайте скорее чайку поьем, пока нашей нет!

— Тише ты! — негромко предупредила Софья Петровна. — Еще услышит... Не дай бог...

— А что, нам разве перерыв не полагается? Сама-то она, небось, каждый день на ланч ходит!

Не шаурму покупает, наверное... Женя, ставь чайник - то, я пирожков принесла. Ох, и наломалась вчера у плиты, поясница отваливается.

Женя достала тщательно спрятанные чайник и чашки. Подошла Лера, сладко грезившая о чем-то в дальнем углу комнаты. Женя сунула пакетики в три чашки, Софья Петровна пила свой, из термоса. Она добавляла в чай какую-то травку от кашля. Женя как-то попробовала — вкус ужасный, просто отравя. Правда и чай из пакетиков тоже отдает пареным веником, ну да ладно.

— Угощайтесь! — Настасья щедрой рукой высыпала на тарелку румяные пирожки.

Пирожки у нее были вкусные, но Женя поняла, что совершенно не хочет есть. Вспомнилось заваленное хламом полутемное помещение и труп, лежащий на полу. Надо же, как натурально он выглядел...

Ее передёрнуло.

Лера отщипнула крошечный кусочек пирожка и деликатно отправила его в рот.

— Очень вкусно... — прошелестела она под неодобрительным взглядом Настасьи Ильиничны, всем своим видом выражая, что она не может проглотить ни кусочка, соблюдая талию, и жуует только из вежливости.

— Женя, Лера у нас девушка хрупкая, питается воздухом, хоть ты поешь нормально! — съехидничала Настасья Ильинична.

И только Женя надкусила пирожок, как открылась дверь, и они услышали ненавистный голос Альбины: